

Олег ТАБАКОВ: «ЗА МНОГОЕ В ЖИЗНИ МОЕЙ ЗЕМЛИ»

Ленинградская правда. - 1990. - 26 июля

СОСТОЯНИЕ нашей культуры все чаще и чаще заставляет нас всех бить тревогу, а мастеров искусств прибегать к отчаянным попыткам привлечь к себе внимание властей. 28 июня по всей стране была проведена предупредительная забастовка деятелей культуры.

С ВОПРОСА об этом событии и началась наша беседа с народным артистом СССР Олегом Павловичем ТАБАКОВЫМ. — Необходимость что-то делать в борьбе за нашу культуру не вызывает никакого сомнения, но сама форма предупредительной акции несколько смущает меня и кажется неудачной. Я абсолютно согласна с драматургом Виктором Розовым, выступавшим накануне по радио и сказавшим, что прерывать любое художественное действие нельзя! Но с другой стороны — что же делать!

— Я не думаю о нелепости, о дискомфорте зрителей в данной ситуации, но я думаю о той ситуации, в которой пребывает наше правительство (в темноте — другого слова не подобрать) в своих взглядах на состояние нашего образования и культуры.

Разве допустимо, чтобы председателем Соединенных народных депутатов России предложил записать вопрос о

культуре в «разное»?! В такой ситуации годна, мне кажется, уже любая форма для защиты духовности общества. Мне 55 лет, из них 35 лет я отдал театру, и могу заверить, что то положение, в котором находится культура сегодня, — положение бедственное, крайнее. Никогда раньше такого не было. Пусть не слишком изящно обставленной оказалась нынешняя предупредительная акция — работники творческих союзов, библиотек, клубов протестовали, как могли, — но это есть акция вынужденная. Они обращались не только к руководителям, но и к зрителям, читателям, потребителям этой культуры с требованием: спасите ее. От уровня культуры зависит уровень развития общества.

— Вы считаете, эта предупредительная забастовка должным образом воспринята всеми, кому адресовалась? — Я очень осторожно оцениваю результаты этой акции, не преувеличиваю ее резонанс, но, как говорится, «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Не могу уповать на трогательную заботу моего правительства о моих проблемах, но я думаю, что если и дальше никакого отклика или отклика не будет, то я лично буду протестовать против деятельности этого правительства. А вы знаете, у меня голос довольно громкий.

— А не отвлекает ли политика деятелей культуры от их главного дела? Не идет ли это в ущерб искусству? — Вы знаете, я всю жизнь занимаюсь общественной деятельностью и не могу сказать, чтобы бы это напрямую отражалось на результатах моей деятельности профессиональной... Давайте поищем снижение профессионального уровня театра в закономерности снижения профессионального уровня трудящихся в нашей стране вообще. Нельзя думать, что театр есть какой-то несо-

общающийся сосуд в системе сообщающихся сосудов. К примеру, у меня есть возможность зарабатывать свободно конвертируемую валюту за рубежом — меня зовут туда на постановки. У меня есть деньги на жизнь. А у абсолютного большинства моих коллег денег на жизнь нет и никакой нормальной жизни нет. Посмотрите что делается у нас в магазинах — и у нас в Москве, и у вас в Ленинграде. Какие же это нормальные условия жизни? Я думаю, что у многих заботы о куске хлеба насущного отнимают слишком много сил.

По сути, заграничные поездки, работа там дают мне деньги и одежду для моей семьи. Она у меня велика, есть еще родственники в Саратове. Если раньше я привозил только джинсы детям, то теперь я везу всем — сыр, колбасу и джинсы... Но работать там приходится в довольно трудных условиях: за 6 недель я должен поставить спектакль. В силу того, что меня зовут несколько раз в один и тот же театр, можно предположить, что мои работодатели моей работой до-

вольны. Ставить спектакль, однако, там не намного труднее, чем здесь. Хотя работа намного ответственнее: я из России, и каждый раз надо удивлять чем-то людей. Что по возможности я и стараюсь делать.

Последние 3—4 года я работал в Финляндии и Дании, до этого — в Венгрии, Швеции, Канаде, Западной Германии... — И все-таки труднее работать с незнакомыми актерами? — Вы знаете, их актерам почти ничего не надо повторять два раза... Если кто-то получит 2—3 раза замечание, начинается истерика, — у них это считается, что человек больше не годен, надо бросать профессию.

Вот я вам приведу пример. Я начал ставить в Англии пьесу Гоголя «Ревизор». Среди прочих актеров был один, который играл Держиморду, ли вы помните, у Держимо, фраз двенадцать, не больше. Прошло два-три дня, я не мог понять, почему актер так вдохновенно, с такой отдачей работает. Ну если б Хлестаков так репетировал, Горюхины, даже Бобчинский и Добчинский. После репетиции мы с

МНЕ СОВЕСТНО...»

ним, сели, я и напрямую спросил: «Во имя чего ты так?». И он очень наивно и трогательно мне ответил: «Ты знаешь, Олег, если я хорошо сыграю эту роль то мне возможно, в следующем спектакле дадут роль побольше». Никаких тут загадок нет! Есть честность в работе и заинтересованность в том, чем человек занимается. И кроме того, есть достоинство профессии.

В спектакле «Билоски-блюз», который я ставлю в Дании (в сентябре будет премьера), есть довольно много физических движений, которые людям после 30 довольно непросто сделать: они должны бегать прыгать довольно высоко, отжиматься многократно. И вы знаете, они все это делают. Мало того, сейчас в летние каникулы, они будут этим всем заниматься. Они профессионалы. Они могут быть одарены более или менее, но они профессионалы. Так и в любом другом деле.

— Чем это объяснить? Они сознательнее ответственнее? — Вы знаете, что наша работа оплачивается от 14 процентов до 60 процентов от

стоимости нашего труда, причем абсолютное большинство трудящихся в СССР получают до 30 процентов заработанных ими денег. В отличие от нас члены профсоюза датских актеров получают до 70 процентов заработанных ими денег. Вот мы и подошли к ответу, что же отличает их актеров от актеров наших. Можно было бы, конечно, сказать успокоительные слова, что зато таланта у наших больше... Так ведь у нас и простора земельного больше... А если сравнить уровень жизни?..

— Что можно уже сегодня сделать!

— Понимая нынешнее тяжелое экономическое положение в стране, я буду стараться путем создания консорциума предприятий в Бауманском районе Москвы создать некий фонд заинтересованности района в деятельности моего театра. Чтобы средняя зарплата актеров была бы равна средней зарплате по стране. Из этого фонда вполне можно делать доплаты. Я думаю, что с нового года в театре заработает контрактная система, изменятся условия работы ак-

теров и неактеров, создающих спектакль: монтажников, осветителей, костюмеров, режиссеров. Будут обусловлены их права и обязанности, вплоть до количества спектаклей, до названия ролей. Это одна часть решения социальной защиты людей театра. Вторая часть заключается, простите за выражение, в заграничных поездках, в которых они, экономия на еде, покупают одежду себе и своей семье. Думаю, что я и это сделаю либо прекращу свою деятельность в должности руководителя театра.

Молоды мои ученики (я еще и ректор Театрального института МХАТа), им сейчас где-то в районе тридцати лет, им жизнь жить и если они души свои вывихнут за это время, то потом никакими высокими окладами этого не поправить.

— Но вы художественный руководитель, а это все функции административные... — Я никогда не задумываюсь на эту тему, когда надо помочь людям. Вот, скажем. Союз театральных деятелей отправлял наиболее спе-

циальных студентов школы-студии МХАТ во флоридский университет. Нужно 18 билетов, а достали 15. К счастью, есть женщины, неравнодушно относящиеся ко мне, и вот, проработав на телефоне минут 45, я эти 3 билета добыл. Ей-богу, я не задумывался, моя ли это обязанность, нет ли.

— Известно, как много вы сделали в искусстве, в жизни, у вас доброе имя, положение, авторитет, заработанные трудом. Я помню, вы как-то говорили о себе: «Я толстый и крепко стоящий на ногах человек!». А сейчас вы делаете все, чтобы крепко встали на ноги ваши ученики. Театр Табакова есть, настоящий, профессиональный театр со своим лицом, репертуаром, с очень интересными актерами, увлеченными своей работой, доставляющими радость и зрителям, и своему мэтру. Вы счастливы!

— Бывают секунды счастья, такие прекрасные, за которые многое можно отдать, — это мгновения успеха моих учеников. Когда они прекрасны на сцене, кажется, искупается многое, едва ли не все с лих-

вой. Никогда мои собственные успехи, а у меня бывали в жизни успехи, не приносили мне такого удовлетворения, таких ощущений, которые приносят свершения твоих учеников.

— Они все моложе вас где-то раза в два! Вы для них, как отец. А ваши собственные дети никогда не ревновали вас к ним!

— Вот тут я виноват перед семьей и перед детьми, сильно недодал им и внимания, и нежности. Природа устроена так, что когда дети рождались, я был моложе, глупее, честолюбивее, суевернее, больше. А когда родилась внучка у моей дочери Саши два года назад, за многое в жизни моей земли мне стало совестно. Я вообще ничего не боюсь в жизни, я и голодно жил, и бедно. Но единственно, чего боюсь, — чтобы дети мои меня стыдились. Родилась внучка, и что-то во мне повернулось — что же ей останется? Катастрофа? Вот тут я, что называется, рогом начинаю упираться, делаю, что могу, и буду делать, пока не подохну, чтобы хоть немножко лучше землю оставить. «Так жить нельзя» — справедливо утверждает режиссер Станислав Говорухин в своем фильме. Нигде нельзя. Я люблю Ленинград, но в вашем прекрасном

городе, когда глядишь на обваливающуюся штукатурку домов, ей-богу, плакать хочется. Если люди не способны руководить страной, довели страну до такого страшного состояния, они должны уходить в отставку. Не уходят — заставим! Потому что я рот уже закрыть не могу.

— И все-таки в том кошмаре, в котором мы живем, что-то может сделать искусство!

— Может, вот тут я несправедливый оптимист! Может. Я привез своих ребят в Новокузнецк. 15 спектаклей мы сыграли, зал все время был полон, зрители смотрели, смеялись и плакали. Никогда не ходившие в театр люди 15 дней подряд туда ходили! А вы спрашиваете, можно ли что-либо сделать? Можно, потому что потребность духовности все-таки в людях живет. Для чего ходят в театр? Чтобы сравнивать свой жизненный эмоциональный опыт с жизненным эмоциональным опытом людей действующих на сцене. Чтобы лучше понимать себя. Чтобы очищаться. Эта потребность есть всегда. И до тех пор, пока жив человек, не будет уничтожена эта потребность духовного возрождения. Театр, искусство могут и должны тут помочь.

Беседу вел Т. МИХАЙЛОВА